

Концепт глобализации сквозь призму идей Карла Поланьи

Аннотация

Статья посвящена анализу концепта глобализации, рассматриваемого сквозь призму идей известного экономического социолога и антрополога Карла Поланьи. В своей работе “Великая трансформация” Поланьи дал объяснение процесса всемирной рыночной экспансии XIX — начала XX века, то есть фактически процесса глобализации XIX — начала XX века, а также причин его краха. Этот процесс, как показал Поланьи, направлялся проектом экономического либерализма и породил целый комплекс негативных социальных последствий. Концепция всемирной рыночной экспансии и критика экономического либерализма К.Поланьи способствуют лучшему пониманию сущности, социальных последствий и перспектив новой волны глобализации конца XX — начала XXI веков и лежащего в ее основе неолиберального проекта. Делается вывод, что вследствие действия выявленного Поланьи механизма “двойного движения” неолиберальная глобализация, как и глобализация XIX — начала XX века, потерпит крах. Приводится обоснование того, что окончательное преодоление противоречий всемирной рыночной экспансии и восстановление единства “экономики” и “общества” Поланьи связывал с переходом к социализму.

Ключевые слова: глобализация, неолиберализм, Поланьи, капитализм, коммодификация

Глобализация — экономический либерализм планетарного масштаба

Картина становления, расцвета и упадка рыночной экономики в XIX веке, развернутая Поланьи, может существенно способствовать осмыслению концепта глобализации и его идеологических оснований. Глобализация превратилась в парадигматический концепт, определяющий основное

содержание и специфику современного исторического периода. Как уже отмечалось, это концепт с акцентом на усилении взаимозависимости именно вследствие становления глобальных свободных рынков. Но Поляни как раз и исследует всемирную экспансию саморегулирующегося рынка и направляющее ее распространение принципов экономического либерализма. То, что произошло в конце XX — начале XXI веков, представляет собой возобновление процесса создания глобального рыночного общества в новых исторических условиях. Этот процесс также направляется идеологией неолиберализма, вобравшей в себя все основные принципы экономического либерализма, выступающего по отношению к ней как метаидеология. Все развивается в рамках той же — капиталистической — мировой системы, вследствие чего есть основания полагать, что сущность происходящего не изменилась и что его характер последствия будут во многом сходными с тем, что описывал Поляни. Именно это делает его концепцию необходимым элементом понимания современной “глобализации”.

В описании Поляни, вследствие рыночной экспансии “рынки подчинили себе весь мир, а количество обращающихся на рынке товаров выросло до невероятных масштабов... Создание мировых товарных рынков, мировых рынков капитала и мировых валютных рынков под эгидой золотого стандарта придало рыночному механизму небывалую силу” [Поляни, 2002: с. 90–91]. Подобный результат — всемирная рыночная экспансия — был изначально заложен в проект экономического либерализма как организующего принципа общества, занятого созданием рыночной системы. При рассмотрении этой экспансии Поляни по-своему ставит проблему соотношения глобальных и локальных процессов, поскольку исток глобальной рыночной экспансии видит в процессе, по сути, локальном — промышленной революции в Англии, которая, таким образом, выступает эпицентром “глобализации” того времени. Возникновение фабричной системы в коммерциализированном обществе породило необходимость в рыночной системе. “Промышленное производство уже не являлось, как прежде, приложением торговли, организуемым купцом на принципах купли-продажи, теперь оно требовало долгосрочных капиталовложений и было связано с соответствующим рынком. И если непрерывность производства нельзя было надежно обеспечить, подобный риск становился неоправданным” [Поляни, 2002: с. 89]. Непрерывность производства требует, в свою очередь, непрерывного движения факторов производства (земли, труда и денег), которое обеспечивалось подчинением их рыночному механизму — превращением в фиктивные товары и образованием рынков факторов производства. Промышленная революция, породив рыночное общество в Англии, создала побудительные мотивы и движущие силы для установления саморегулирующегося рынка в глобальном масштабе, ибо самовозрастание, рост масштабов и сложности капиталистического производства требовали увеличения потока и разнообразия факторов производства, что предполагало вовлечение новых пространств земного шара в сферу действия капиталистического рынка. На это же обстоятельство указывали в небезызвестном “Манифесте Коммунистической партии” К.Маркс и Ф.Энгельс, и в данном случае Поляни развивает идеи, заложенные в “Манифесте”.

Коммодификация, возникновение фабричной системы и либерального государства с его прорыночным интервенционизмом составляли важные моменты экспансии рыночной экономики. Но это было бы немислимо без

возникновения либеральной рыночной идеологии — “настоящей веры в мирское спасение человека посредством саморегулирующегося рынка” [Поланьи, 2002: с. 152]. Собственно, как отмечает Поланьи, все дело построения всемирной рыночной экономики направлялось данной идеологией. И в этом заключается принципиальное сходство с современным периодом, характеризующимся процессом установления глобальной экономики на основе неолиберальных принципов Вашингтонского консенсуса. Либеральную политическую экономию, созданную Таунсендом, Мальтусом и Рикардо, Поланьи характеризовал как “самое грозное теоретическое оружие разрушения” нерыночного социального порядка [Поланьи, 2002: с. 243]. Ту же характеристику можно отнести и на счет современной неолиберальной экономической теории — монетаризма М.Фридмана и австрийской школы неоклассической экономики Ф.Хайека и Л.Мизеса как основания программ “шоковой терапии”, повлекших за собой чудовищные социальные издержки во всех без исключения странах, следовавших этим путем. В стремлении добиться своих целей адепты экономического либерализма XIX века, как и рыночные фундаменталисты конца XX века, были охвачены апостольским пылом. К 1820-м годам экономический либерализм окончательно сформировал свой символ веры, который, по мнению Поланьи, заключается в том, что “труд должен искать свою цену на рынке; создание денег должно быть подчинено автоматически действующему механизму, а движение товаров из одной страны в другую должно быть свободным, без каких-либо преград или преимуществ; или, если выразить эти догмы более кратко, — рынок труда, золотой стандарт и свободная торговля” [Поланьи, 2002: с. 152]. В 1830–1840-х “крестоносное движение” за свободный рынок добилось осуществления соответствующих взаимодополняющих мер либерализации и дерегулирования экономики, важнейшими из которых были Акт о реформе закона о бедных (1834), Банковский акт Пиля (1844) и Билль против хлебных законов (1846), составлявшие единое целое. Все они, как отмечает Поланьи, были приняты в самой радикальной форме, ибо экономический либерализм, вышедший за рамки области академических интересов, превратился в “исповедуемое с фанатическим пылом вероучение” [Поланьи, 2002: с. 154]. Зависимость цены рабочей силы от наличия предельно дешевого хлеба была единственной гарантией того, что незащищенная протекционистскими барьерами промышленность не погибнет в тисках золотого стандарта, означавшего постоянную угрозу дефляции. С точки зрения Поланьи, развитие рыночной системы в XIX в. означало одновременное распространение свободной международной торговли, конкурентного рынка труда и золотого стандарта: они были теснейшим образом взаимосвязаны. Поэтому не удивительно, что экономический либерализм превратился в секулярную религию, как только вся рискованность этого замысла стала очевидной [Поланьи, 2002: с. 156]. Учитывая очевидность рисков, связанных с маркетизацией, и эксцентричность логики социальных технологов и инженеров рыночной системы, проект либеральной экономической “глобализации” требовал “самого настоящего акта веры”, без которой “корабль рыночной системы не смог бы отчалить от берега”. Например, последствия одностороннего принятия Англией принципа свободы международной торговли, как отмечает Поланьи, “поражали своей нелепостью”: “Принцип этот означал, что в снабжении продовольствием Англия будет зависеть от заморских источников; что она, если потребует, пожертвует собственным сельским хозяй-

ством и начнет жить совершенно по-новому, превратившись в неотъемлемую часть некоего, весьма смутно мыслившегося, единого мирового организма; что это планетарное сообщество должно быть мирным — в противном случае мощный флот должен сделать его безопасным для Великобритании; и что английской нации предстоит мужественно принять перспективу непрерывных промышленных потрясений — в твердой вере в свои великие таланты в области науки и производства. Считалось, что стоит только сделать так, чтобы хлеб мог свободно поступать в Англию со всего мира, и ее, Англии, фабрики, продавая товары по более низким ценам, одолеют в конкурентной борьбе весь мир” [Поляны, 2002: с. 155].

Таким образом, экономическая “глобализация” XIX в. — “попытка создать один огромный саморегулирующийся рынок” [Поляны, 2002: с. 80, 156] — стала прямым следствием воплощения в жизнь принципов экономического либерализма. “Глобальный размах экономического либерализма становится нам теперь понятным с первого взгляда. Чтобы обеспечить работу этого колоссального механизма, требовался не более и не менее как саморегулирующийся рынок в мировом масштабе” [Поляны, 2002: с. 156]. Здесь можно увидеть, что Поляны с замечательной ясностью осознавал глобальный масштаб капиталистической экспансии — не менее чем саморегулирующийся рынок в мировом масштабе может обеспечить бесперебойное функционирование системы — и то, что эта экспансия основывалась на реализации принципов экономического либерализма. Такая концептуализация глобализации как капиталистической экспансии, направляемой принципами экономического либерализма как ее доктринальной опоры, позволяет придать этому неоднозначному термину определенность. Вместо расплывчатых и весьма абстрактных “усиления взаимозависимости”, “расширения, углубления и ускорения мирового сотрудничества, затрагивающего все аспекты современной социальной жизни” [Глобальные трансформации, 2004: с. 2], или “преодоления социальной, политической и экономической активностью пространственных границ — так, что события, решения и действия, происходящие и принимаемые в одном регионе мира, могут иметь значение для индивидов и сообществ в отдаленных уголках земного шара” [Глобальные трансформации, 2004: с. 18], — вместо всего этого “глобализация” может быть связана с экспансией европоцентристской капиталистической системы, охватившей сначала к концу XIX века, а затем вновь к концу XX века весь мир. В этом случае она перестает быть простым перечислением всего, что происходит в мире с 1970-х годов, включая рост количества авиаперевозок, числа пользователей Интернет, трансграничных движений капитала и транснациональных корпораций, а также процессы макдональдизации и диснеефикации культуры, постмодернизма и т.д., что выражается посредством метафор детерриториализации, безграничного мира, “сверхобщества”, “конца географии”, “конца истории” и др. Глобализация приобретает социально-историческое качество, становится качественно определенным процессом, связанным не столько с абстрактно понимаемым мировым пространством, сколько с обществом определенного типа, существующим в определенном пространстве и времени. С этой точки зрения глобализация выступает идеологически оформленным проявлением имманентной капиталу тенденции к расширению рыночной экономики и коммодификации на все аспекты жизнедеятельности общества и на все части мира.

Однако Поланьи расценивал изучаемую им всемирную рыночную экспансию как одноактное действие, обреченное завершиться крахом всемирной рыночной экономики. В этом он был подобен Марксу, который считал, что процессы, ассоциируемые с первоначальным накоплением капитала, по своей сути (изъятие у непосредственных производителей возможностей и средств выживания, альтернативных продаже на рынке своей рабочей силы), а также социальным последствиям (усиление неравенства, бедности и пауперизация), тождественным поланьевской рыночной экспансии, присутствующей только эпохе становления капитализма. Между тем этот процесс ограничивался не одной Англией или Европой как историческим центром капитализма и происходил не только на начальных фазах развития этой общественно-исторической системы. Он повторялся всякий раз в больших масштабах, когда происходило очередное расширение капитализма, когда мировая капиталистическая система включала в свою орбиту народы за пределами Европы, разрушая, как показал Поланьи, их традиционные социальные структуры и отрасли производства, лишая их производителей жизненных средств, передавая контроль над их природными ресурсами и землей в руки иностранных капиталистических собственников и империалистических государств центра мировой капиталистической системы. Поэтому вполне возможно, с одной стороны, рассматривать так называемое первоначальное накопление не только как историческую предпосылку, но и как необходимое логическое условие и составляющую процесса накопления капитала, которая постоянно воспроизводится в ходе эволюции капитализма, что вытекает из поланьевского понимания процесса. С другой стороны, можно рассматривать поланьевскую всемирную рыночную экспансию не как однократный акт, а как волнообразный нарастающий процесс, составляющий содержание фаз экспансии капитализма. По отношению к современным формам этого процесса применяются различные обозначения — “перманентное первоначальное накопление”, “изымающее” или “обездоливающее накопление” (*accumulation by dispossession*) [Harvey, 2005] — но в любом случае все они подчеркивают тот факт, что мировая капиталистическая система сейчас, как и в прошлом, основана на постоянной экспроприации и подавлении непосредственных производителей. Ныне глобальный масштаб этого процесса выражен более интенсивно. И это точно так же причиняет значительный ущерб тем, у кого изымается право на общественную собственность. К такому же пониманию поланьевских процессов коммодификации и маркетизации как волнообразного движения нарастающей интенсивности и масштаба приходит и М.Буравой [Burawoy, 2007].

Нынешняя волна усиления транснациональных потоков товаров, капитала, рабочей силы является только новой фазой в вековом тренде географической и структурной рыночной экспансии (коммодификации), являющейся аспектом развития капитализма как мировой системы. Подобно тому, как все предшествующие волны капиталистической экспансии направлялись великими европейскими державами, две последние волны навязывались гегемонистскими державами XIX и XX веков — Великобританией и США. В начале XXI столетия исторические условия протекания этого процесса изменились по сравнению с периодом, который был предметом исследования Поланьи, но сущность его осталась неизменной. При этом можно оценить, насколько процесс глобализации был управляемым в том смысле, что капиталистические элиты и их идеологи осознавали его необходимость

и, опираясь на принуждающую силу государства, прилагали усилия к его осуществлению, сознательно его конструировали. Образование глобального свободного рынка фактически направлялось идеологическим проектом экономического либерализма, который вновь возродился в новой форме неолиберализма в конце XX века. При этом Полянши специально анализирует ту роль, которую в создании и поддержании либерального мирового порядка играла финансовая олигархия — ключевой субъект в развертывании современной волны неолиберальной глобализации. Как отмечает Полянши, система золотого стандарта как основа мировой финансовой системы XIX века требовала от всех правительств сбалансированности бюджетов, стабильности валюты и адаптации системы цен к условиям мирового рынка, что должно обеспечить свободную торговлю и свободное движение капитала. Поэтому в интересах финансовой олигархии было распространение единообразных экономических и политических институтов рыночного общества на все страны, и она добивалась этого при содействии великих держав (прежде всего Великобритании), которые были центром международной финансовой системы. Например, навязываемая всем “менее развитым странам” конституционная модель представительного правления обеспечивала надежную защиту прав собственности, а также контроль над финансами, валютами стран-должников и их бюджетами, что обеспечить могли лишь “ответственные правительства”. “...Национальный денежный суверенитет могущественные западные страны совмещали с его полной противоположностью — безжалостным и неослабным давлением, целью которого было распространить структуру рыночной экономики и рыночного общества на другие территории. В результате к концу XIX в. народы нашей планеты были в институциональном плане унифицированы в неслыханной прежде степени”, — пишет Полянши. Навязываемая единая для всего мира модель финансовых и представительных институтов была следствием жестких законов тогдашней экономической системы. Эта ситуация “обусловила, — по словам Полянши, — особую роль, которую играли в международной жизни XIX в. два принципа, а именно принцип анархического суверенитета и “оправданного” вмешательства в дела других стран” [Полянши, 2002: с. 273]. Всемирная рыночная экспансия XIX столетия носила, таким образом, империалистический характер. Точно так же империализм является неотъемлемой чертой глобальной рыночной экспансии XX–XXI веков, в которой “продвижение демократии”, “смены режимов” и “гуманитарные интервенции”, осуществляемые другим центром мировой финансовой системы — США, направлены к насаждению структур “рыночного общества” по неолиберальным стандартам, закрепляющим мировое доминирование англо-американских финансовых элит, опирающихся на мощь государства США.

Таким образом, поляншевский подход к концепту глобализации позволяет поставить и решить вопрос о его идеологических основаниях, а сами явления, тенденции и процессы, охватываемые этим концептом, рассматривать в историческом контексте волн капиталистической географической и структурной экспансии. Наконец, поляншевская концептуализация глобализации как осуществления проекта экономического либерализма (неолиберализма) позволяет определить не только специфический характер, но и вероятные последствия этапа развития капитализма, ассоциируемого с глобализацией, а также формы ответов, которые различные общественные силы будут на них давать.

Обе волны глобальной капиталистической экспансии — как конца XX — начала XXI столетия, так и XIX столетия — вызвали целый ряд разрушительных последствий в форме массового обнищания, безработицы, роста угрозы голода и в слаборазвитых, и в индустриально развитых странах. Особое внимание Поланьи привлекают социальные и экологические последствия глобализации, связанные с коммодификацией труда и земли. Особенно зримо разрушительность глобализации проявилась на периферии мировой капиталистической системы. Вовлечение труда и земли в рыночный оборот, подчинение их рыночному механизму предполагало уничтожение институтов, структур, норм и отношений, воплощавших “органические формы социального бытия”, разрушение “всего социокультурного уклада туземной жизни” [Поланьи, 2002: с. 183, 200]. Осуществлению этого разрушительного замысла лучше всего служило универсальное применение принципа свободы контрактов: все недоговорные институты, обусловленные отношениями родства или соседства, общностью профессии или вероисповедания, следовало ликвидировать, поскольку они ограничивают свободу индивида. При этом Поланьи специально оговаривает, что цель прорыночного интервенционизма заключается здесь в том, чтобы уничтожить недоговорные (нерыночные) связи между людьми, сделав невозможным их стихийное восстановление в будущем [Поланьи, 2002: с. 156]. Именно это и происходило при создании рынка труда в “колониальных странах”. Чтобы заставить туземцев зарабатывать на жизнь продажей своей рабочей силы, необходимо было разрушить их традиционные институты и воспрепятствовать их возрождению, ведь индивид в первобытном обществе оказывается перед угрозой голода лишь тогда, когда подобное бедствие угрожает общине в целом [Поланьи, 2002: с. 183–184]. В традиционных докапиталистических (и, добавлю, в пострыночных социалистических) обществах действовал принцип “гарантированной свободы от нужды”, что делало их, по словам Поланьи, более гуманными и менее экономическими, чем рыночное. В этих обществах создание рынка труда требовало “безжалостного расщепления социальных структур, чтобы получить в процессе их распада необходимый элемент — человеческий труд”. Оно требовало также “практического ознакомления” членов этих обществ с “бичом голода и с великой его пользой” в качестве средства заставить продавать свой труд на рынке за ту цену, которую за нее дадут. “Именно для того, чтобы дать простор его действию, и потребовалось разрушить органическое общество, которое не желало позволить отдельному человеку голодать” [Поланьи, 2002: с. 185]. В традиционных обществах, как и везде, коммодификация факторов производства порождала нехватку жизненных средств и принуждала действовать по законам рынка. Следует отметить, что тот же самый процесс разрушения социальных структур наблюдался в конце XX века в странах, выбравших путь “шоковой терапии” и, в особенности, в “постсоциалистических” странах.

Реализация принципа свободы торговли привела к тому, что “мобилизация продуктов земледелия была распространена ... на тропические и субтропические регионы — принцип промышленно-сельскохозяйственного разделения труда стал действовать по отношению ко всему земному шару. В итоге народы далеких стран оказались втянутыми в водоворот перемен, истоки которого были им неведомы, а европейские нации в повседневном своем существовании попали в зависимость от еще не упорядоченной и не гарантированной общечеловеческой интеграции. Так вместе со свободой тор-

говли в человеческую жизнь вошли новые громадные факторы риска, порожденные феноменом планетарной взаимозависимости” [Поляны, 2002: с. 202]. Один из факторов риска, порожденный глобальной рыночной экспансией, заключался в том, что “свобода международной торговли, если ее ничем не ограничивают, с неизбежностью делает ненужными все более значительные компактные группы сельскохозяйственных производителей. Этот неотвратимый процесс разрушения серьезно усугублялся паузами и остановками, свойственными развитию современных средств транспорта, которые слишком дорого стоят, чтобы их можно было использовать в новых регионах планеты без твердой надежды на крупную прибыль. Как только громадные капиталовложения в строительство паромов и железных дорог принесли свои плоды, открылся доступ к целым континентам, и на несчастную Европу обрушилась настоящая лавина зерна. ...Оказавшись перед угрозой полного уничтожения своего сельского хозяйства, Центральная Европа вынуждена была защищать своих крестьян с помощью хлебных законов” [Поляны, 2002: с. 203]. Все эти положения относительно угрозы глобальной конкуренции для выживания целых групп непосредственных производителей актуальны и сейчас, что может быть проиллюстрировано борьбой государств третьего мира, открывших свои рынки товарам индустриально развитых стран, за осуществление принципа взаимности. Последний предполагает, что государства Севера должны, как это было обещано ими в ходе Доха-раунда переговоров в рамках ВТО, сократить экспортные субсидии, устранить протекционистские барьеры и открыть свои рынки для сельскохозяйственной продукции государств Юга, в производстве которых они могут более успешно конкурировать с производителями стран первого мира. Однако переговоры зашли в тупик, поскольку государства Севера не желают сокращать субсидии своим производителям и требуют от развивающихся стран еще больше открыть рынки для экспорта, еще больших уступок в вопросах защиты интеллектуальной собственности и услуг и еще большего сокращения экономической роли государства. И здесь Поляны очерчивает важный аспект современных всемирноэкономических отношений, который касается различия государств Севера и Юга, центра и периферии мировой капиталистической системы в плане защиты себя от последствий рыночной экспансии: “... если высокоорганизованные государства Европы могли защитить себя от последствий свободы международной торговли, то лишенные государственной организации колониальные народы были бессильны это сделать. Протест против империализма являлся, прежде всего, попыткой экзотических народов добиться политического статуса, необходимого им для того, чтобы спастись от социальных потрясений, вызванных торговой политикой европейцев. Та система защиты, которую белый человек легко мог создать для себя благодаря суверенному статусу своих обществ, оставалась недостижимой для цветных до тех пор, пока у них отсутствовала ее необходимая предпосылка — независимое государство” [Поляны, 2002: с. 204]. Поляны, как показывает опыт существования освободившихся государств, большинство из которых вынуждено послушно следовать предписаниям Вашингтонского консенсуса, определенно переоценивал значение независимого государства для перестройки мировых экономических отношений. Само по себе изменение политического статуса периферийного пространства не привело к прекращению эксплуатации периферии со стороны центра и ликвидации неравноправных политических и экономических от-

ношений. Но он, безусловно, прав, когда говорит о большей уязвимости стран периферии по отношению к действию разрушительных сил мирового рынка, свободы торговли и находящейся под контролем Запада мировой финансовой системы, — уязвимости, вытекающей из их структурного положения в мировой капиталистической системе. И здесь Поланьи был вынужден опровергнуть один из мифов ортодоксальной экономической теории, который является также одним из мифов глобализации. “Рикардианская теория торговли и денежного обращения легкомысленно игнорировала объективные различия в статусе между отдельными странами. Согласно либеральной доктрине, Великобритания представляла собой обычный атом в универсуме торговли, занимая в нем точно такое же положение, как Дания или Гватемала. В действительности, однако, мир насчитывал ограниченное число стран, которые делились на страны-должники и страны-кредиторы, страны-экспортеры и страны практически самодостаточные, страны с диверсифицированным экспортом и те, что в отношении импорта и иностранных займов полностью зависели от продажи одного единственного товара, например, пшеницы или кофе” [Поланьи, 2002: с. 228].

Эти различия нельзя было игнорировать на практике. Когда экономически слабые страны оказывались не способны выплачивать долги, они могли прибегнуть к политическим средствам и посягнуть на собственность иностранных инвесторов, поскольку отказ от выплаты по кабальным займам часто оказывался более предпочтительным вариантом, чем обесценение национальной валюты [Поланьи, 2002: с. 229]. Разумеется, работа механизма мирового рынка не могла быть поставлена в зависимость от “безответственного” поведения государства-изгоя. Поскольку страны-участницы системы международного разделения труда не были равноправными, в этом случае не было нужды полагаться на процессы экономического самоизлечения — мифологию, проповедуемую либеральной доктриной. Неравноправность и военная уязвимость экономически слабых государств открывали другой более реалистичный путь — “дипломатию канонерок”: “...тотчас же высылались канонерки, и объявившее дефолт правительство... оказывалось перед выбором: бомбардировка или расплата с кредиторами. Другого способа принудить к платежу, предотвратить крупные убытки и поддержать функционирование системы попросту не существовало. Подобные средства шли в ход и тогда, когда нужно было помочь колониальным народам прийти к мысли о великой пользе торговли — если теоретически неопровержимый аргумент о взаимной выгоде почему-то не сразу доходил до сознания туземцев или же они вовсе отказывались его понимать”. И чем чаще к подобным методам прибегали великие державы, обратившиеся к “политике захватов”, тем очевиднее становился тот факт, что “для поддержания равновесия в мировой экономике приходится использовать политические инструменты” [Поланьи, 2002: с. 229].

В результате всемирной рыночной экспансии все “западные страны ... шли по одному пути. С введением золотого стандарта начал осуществляться неслыханный по своей смелости грандиозный рыночный проект, который предполагал полную независимость рынков от национальных правительств”. Сущность глобализации как реализации планетарного рыночного (неолиберального) проекта заключается в том, что “организацию жизни на нашей планете всецело определяет механизм саморегулирующегося рынка, охватывающего труд, землю и деньги, а золотой стандарт стоит на страже

этого колоссального автомата. Народы и государства были всего лишь куклами в этом представлении, совершенно неспособными повлиять на его сценарий” [Полаanyi, 2002: с. 238].

Однако саму попытку экономического либерализма создать саморегулирующуюся рыночную систему Полаanyi оценивает как утопическую. Утопическим, с точки зрения Полаanyi, является ее требование насчет превращения в товар природной и человеческой субстанции общества, что ведет к разрушению человеческих связей и грозит уничтожением естественной среды существования человека [Полаanyi, 2002: с. 41-42]. Свободный рынок физически уничтожил бы человека, а его среду обитания превратил бы в пустыню. Именно утопическим характером рыночного проекта Полаanyi объясняет его провал, а поскольку саморегулирующийся рынок был опорой других элементов мирового порядка XIX века (механизма равновесия сил, либерального государства и золотого стандарта), то его крах был одновременно и крахом этого мирового порядка. В значительной степени утопизм рыночного проекта заложен в непонимании того, что модель *homo economicus* неадекватно отражает сущность человека, а попытка навязать ее вызывает сопротивление — ответную реакцию общества, направленную на устранение негативных последствий рыночной экспансии, которую Полаanyi обозначает термином контрдвижение [Полаanyi, 2002: с. 159]. Здесь Полаanyi вводит другой важный концепт — двойное движение, посредством которого он осмысливает диалектику рыночной экспансии и сопротивления ей, составляющую содержание исследуемой им эпохи.

Двойное движение и крах глобального проекта экономического либерализма

В самом общем виде механизм двойного движения очерчивается Полаanyi следующим образом: глобальная рыночная экспансия, порождая огромные и долговременные бедствия, наталкивалась на противоположный процесс, препятствовавший экспансии рынка в некоторых направлениях. И это контрдвижение с целью защиты общества было несовместимо с саморегулированием рынка, а следовательно с самой рыночной системой. К тому моменту, когда рыночная система в начале XX века, подчинив себе “время и пространство”, стала глобальной, начал набирать силу противоположный процесс. “Это было нечто большее, чем обычные защитные меры общества, столкнувшегося с феноменом перемен; это было противодействие губительным сдвигам, разрушавшим субстанцию общества, сдвигам, способным уничтожить ту самую систему организации производства, которую вызвал к жизни рынок” [Полаanyi, 2002: с. 147].

Иными словами, поскольку экспансия свободного рынка вела к резкой поляризации общества, росту нищеты и экологической деградации, она порождала контрдвижение, выразившееся в попытке ограничить воздействие рынка на факторы производства и заново “встроить” экономические структуры в общество, то есть ограничить сферу действия мотива прибыли, а в тенденции и вовсе устранить таковой. Всю историю XIX века Полаanyi рассматривает как результат борьбы двух организующих принципов общества, каждый из которых предполагал специфические институциональные цели, выражал определенные социальные интересы, опирался на определенные социальные силы и для своего осуществления требовал определенных ме-

тодов. Один из них — принцип экономического либерализма, отражавшего интересы тех, кто стремился к созданию саморегулирующегося рынка, опиравшегося на поддержку торгово-промышленных слоев буржуазии и в качестве своих методов широко использовавшего *laissez-faire* и свободную торговлю. Ему противостоял принцип социальной защиты, направленный на защиту человека, природы и производственной организации от вредоносного воздействия рынка. Этот принцип опирался на поддержку, с одной стороны, рабочего класса, а с другой — аристократов-землевладельцев и использовал в качестве своих методов протекционистское и социальное законодательство, создание профсоюзов, рабочего и социал-демократического движения и другие инструменты вмешательства [Поланьи, 2002: с.149]. Поланьи подчеркивает, что защитная реакция на экспансию рынка проявлялась на столь же широком фронте, как и сама эта экспансия. Эта реакция была по своему географическому охвату столь же глобальной, но организовывалась главным образом на локальном и национальном уровнях. Поэтому внимание ученого сосредоточено на диалектике глобального характера рыночной экспансии и национального характера защитного движения. При этом усиление национального протекционизма, являясь необходимым дополнением рыночной экономики, смягчавшим ее последствия, вместе с тем нарушало действие рыночного механизма. И это было еще одним подтверждением абсурдности и утопичности глобально-рыночного проекта: когда глобальная рыночная экспансия породила аграрный кризис и Великую депрессию 1873–1896 годов, институты рыночной экономики могли вводиться только в сочетании с протекционистскими мерами, более того, введение одного ключевого института свободного рынка противоречило введению другого. Поланьи демонстрирует это на примере золотого стандарта, принятие которого во всех странах, кроме Великобритании, ввиду ее гегемонистского положения в мировой системе, сопровождалось системой защитных мер, таких как тарифы, таможенные пошлины, социальное законодательство, колониальная политика, что противоречило системе свободной торговли [Поланьи, 2002: с. 235]. С 1870-х наступает новая фаза глобальной рыночной экспансии, протекающая в условиях резко возросшего протекционистского контрдвижения. В итоге складывается ситуация, при которой протекционистское государственное вмешательство и меры социальной защиты, ограничивающие коммодификацию, нарушая работу рынка, отнюдь не устраняют его катастрофических эффектов. Поэтому их следствием было не восстановление “единства экономики и общества”, а нарастание экономического и политического хаоса и противоречий рыночной системы. Это вновь приводило к усилению протекционистских тенденций, порождающих превратную форму преодоления противоречий рыночного общества — образование монополий, рост импортных тарифов, тред-юнионизм, превращение конкурентных рынков в монополистические и, в итоге, подъем империализма и попытка переложить бремя “структурной адаптации” на слабо развитые страны. Выход из тупика, в который завели мир рыночная экспансия и паллиативные меры защиты от нее, обнаружился в разрушении либерально-рыночной цивилизации XIX века. Этапами этого процесса явились Первая мировая война, безуспешные попытки восстановить рыночную цивилизацию в ходе “консервативных” 1920-х годов, окончательный провал этих попыток в “революционных” 1930-х годах и Вторая мировая война, из которой, по сути, возник новый мировой порядок. Экспансия саморегули-

рующей рыночной экономики и реакция на ее последствия — такова суть концепции “двойного движения” Поляны. “Общество пыталось защитить себя от опасностей, которыми угрожала ему саморегулирующаяся рыночная система, — таков лейтмотив всей истории этой эпохи” [Поляны, 2002: с. 90–91]. Однако в условиях, когда организующим стержнем общества оставалась рыночная экономика, все меры социальной защиты только усугубляли кризис. Поляны говорит об обществе, которое принимало меры самозащиты, но любые подобного рода меры причиняли ущерб принципу саморегулируемости, вносили дезорганизацию в хозяйственную жизнь, подвергая таким образом опасности общество, но уже с другой стороны. Именно это противоречие заставило рыночную систему развиваться в одном, жестко определенном направлении и в конце концов разрушило ту социальную организацию, для которой данная система служила фундаментом [Поляны, 2002: с. 14]. В связи с этим Поляны анализирует, какую роль в процессе двойного движения сыграл классовый конфликт между капиталом и трудом: “С этих двух точек зрения мы намерены обрисовать процесс, определивший социальную историю XIX столетия. Первый, экономический, импульс данного процесса, порожденный столкновением организующих принципов экономического либерализма и социальной защиты, вызвал перенапряжение и глубокую деформацию институциональной системы; второй, политический, был порожден конфликтом классов и, взаимодействуя с первым, превратил кризис в катастрофу” [Поляны, 2002: с. 14].

Нетрудно заметить, что борьба указанных выше принципов представляет собой частный случай диалектической напряженности между коллективистским и индивидуалистским началами социальной жизни. Однако, несмотря на стремление связать два принципа с конкретными социальными силами, концепции двойного движения присущ недостаток, выражающийся в порою недифференцированном подходе Поляны к обществу как внутренне нерасчлененному целому. Он постоянно говорит о том, что именно общество в целом выступает против чрезмерного расширения власти саморегулирующегося рынка, что можно понять в том смысле, что свободный рынок вызывает защитную реакцию со стороны всех групп, слоев, классов общества. Между тем функционирование саморегулирующегося рынка воздействует на различные общественные группы неодинаково. Его экспансия угрожает не всем группам и не всем группам в одинаковой степени. Не все группы стремятся защититься от растущей коммодификации, да и само это стремление защититься от рыночной экспансии вызывалось различными причинами. Например, аристократическим элитам, в отличие от рабочего класса, рыночная экспансия угрожала не ростом эксплуатации и нищеты, а изменением их социального статуса и характера социальной мобильности вследствие роста буржуазных классов и установления их гегемонии. Таким образом, возникает необходимость учитывать социально-классовую динамику, социальную борьбу и социальные конфликты, формирующие условия становления и развития рыночной системы (“глобализации”), а также классово-специфический характер контрдвижения, возникающего как реакция на этот процесс. При выполнении этого условия концепция двойного движения становится действительно полезным инструментом анализа неолиберальной трансформации.

Особенно отчетливо это проявляется при анализе Поляны той роли, которую классовый конфликт сыграл в окончательном сломе либерально-ры-

ночной мировой экономики и либеральных форм правления и регулирования. В связи с этим он также ставит и проблему фундаментальной несовместимости капитализма и народного правления — демократии. Требование народного правления было требованием рабочего класса, тем более сильным, чем безжалостнее рынок труда уродовал жизнь рабочих. К концу XIX века, когда возникло мощное рабочее движение, добившееся всеобщего избирательного права, рабочий класс превратился в серьезную силу, влияющую на социальную и экономическую политику в государстве. Эта ситуация стала особенно нетерпимой с точки зрения капиталистических элит, когда их попытки подчинить решение социальных проблем интересам восстановления золотого стандарта с его требованиями сбалансированного бюджета и стабильности валют наталкивались на сопротивление левых партий и правительств. Вследствие этого, намереваясь восстановить после Первой мировой войны мировую либеральную экономику, капиталистические элиты стремились также подорвать политическое влияние рабочего класса. В результате упорство, с которым экономические либералы во имя своих дефляционистских идеалов поддерживали авторитарные методы правления, привело к “фатальному ослаблению демократических сил”. Там, где либералы чувствовали угрозу со стороны демократии, они выступали за ее отмену, и это было причиной прихода к власти фашистских движений [Поланьи, 2002: с. 212, 254]. Фашизм, в конечном счете, стал рассматриваться экономическими либералами как способ преодоления патовой ситуации, в которой капиталистическая система оказалась после Первой мировой войны, когда со всей очевидностью вскрылась несовместимость принципа демократического равенства в политике с принципом частной собственности в экономике. Как отмечал Поланьи, “либералы школы фон Мизеса утверждают, что воздействие на ценовую систему, практикуемое представительной демократией, неизбежно уменьшает производимый валовой продукт — фашизм, таким образом, получает оправдание как защитник либеральной экономики” [Поланьи, 2010: с. 197]. Корни фашизма (как и социализма) — в рыночном обществе, которое перестало нормально функционировать. Однако фашизм представлял собой дегенеративный выход из институционального тупика либерального капитализма, заключавшийся в реформе рыночной экономики за счет ликвидации всех демократических институтов как в производственной, так и в политической сфере [Поланьи, 2002: с. 257]. Те страны, которые вовремя отказались от экономического либерализма, избежали фашистской катастрофы. Наряду с фашистским решением проблемы возникли два других, связанных с созданием социалистического общества в СССР и “новым курсом” президента Ф.Рузвельта в США.

Губительные последствия экономического либерализма стали, в конце концов, причиной коллапса рыночной цивилизации XIX века, этапами которого были две мировые войны и мировой экономический кризис 1929–1933 годов, повлекший за собой крах золотого стандарта. Все это вызвало ответную реакцию в форме различных социально-политических движений, пытавшихся исходя из разных социально-политических позиций решить проблему сознательного контроля общества над анархией капиталистического производства и рынка, — социалистическая революция 1917 года и последующая коллективизация в России, победа национал-социализма в Германии (1933) и политика “нового курса” в США.

Эти события, которые, каждое по-своему, отражали потребность в переходе к такой цивилизации, в которой рыночные стимулы и мотивы перестают диктовать законы обществу, тогда как общество утверждает свой примат над рыночной экономической системой, К.Поляны назвал “великой трансформацией”. Ее результат, как он полагал, всюду окажется сходным: “...рыночная система перестанет быть саморегулирующейся даже в теории, ибо она уже не будет включать в себя труд, землю и деньги” [Поляны, 2002: с. 271]. “Великая трансформация” была издана в 1944 г. (тогда же была издана и “Дорога к рабству” — очередное изложение доктрины экономического либерализма, написанное научным и идеологическим антиподом К.Поляны — Ф.Хайеком), и ее автор мог сам увидеть, насколько точен оказался его прогноз. После Второй мировой войны в развитом капиталистическом мире идеология и практика свободного рынка под давлением со стороны рабочего движения и образовавшейся социалистической системы уступила место основанному на кейнсианских рецептах компромиссу между трудом и капиталом, а регулирование рынков и интервенционистское “государство всеобщего благосостояния” стали новой ортодоксией вместо монетаристских неоклассических подходов. Напомню, что, с точки зрения Поляны, контрдвижение заключалось в попытке ограничить воздействие рынка на факторы производства, то есть труд и землю. Это и было важнейшей задачей интервенционизма [Поляны, 2002: с. 148]. Послевоенное “славное тридцатилетие” капитализма (1945–1973) было периодом “встроенного либерализма” (как его охарактеризовал Дж. Рагги [Ruggi, 1982]), когда международный либеральный порядок сочетался с государственным регулированием экономики на национальном уровне.

Однако Поляны рассматривал великую трансформацию общества, подчиненного механизму саморегулирующегося рынка, в общество, взявшее под контроль рыночную стихию, как необратимое изменение, осуществленное раз и навсегда как в международной системе, так и в составляющих ее частях. Судя по всему, он недооценил силу сопротивления и живучесть “фурий частного интереса” (Маркс), способных поднять голову, как только механизмы общественного контроля частнокапиталистических интересов и принуждения капитала к “цивилизованному” и “социально ответственному” поведению дадут сбой. Поляны не дожил до того времени, когда произошел новый мощный подъем волны экономического либерализма (в форме неолиберализма) и была осуществлена новая попытка создать один огромный саморегулирующийся рынок в мировом масштабе, идеологическим оправданием которого на этот раз выступает идея неолиберальной “глобализации” как совершенно нового явления или стадии в истории человечества. В отличие от Поляны, современный исторический опыт дает возможность рассмотреть и крах фритредерского британоцентристского мирового порядка XIX века, и взлет неолиберального глобализма конца XX — начала XXI веков не как окончательные и бесповоротные трансформации, а как неотъемлемые элементы продолжительной борьбы за распределение издержек и благ в капиталистической системе. Эта борьба, внутренне присущая капитализму как исторической системе, происходит сегодня и будет продолжаться, пока противоречие между общественным характером производства и частным присвоением его результатов не получит своего разрешения в становлении новой социально-исторической системы.

Идея двойного движения подводит к мысли о наличии в истории капитализма закономерности чередования стадий, когда либеральные экономи-

ческие режимы необузданного накопления сменяются режимами компромиссного регулирования накопления капитала, принуждающими капитал к более “социально ответственному” поведению. В основе этого чередования лежит механизм генерирования контрдвижения. Суть его заключается в непрекращающихся попытках капиталистических господствующих групп ядра и в особенности государства-гегемона мировой капиталистической системы окончательно подчинить жизнедеятельность общества мотиву прибыли и подавить сопротивление тех, кому господство этого мотива наносит непоправимый ущерб. При этом каждый последующий либерально-экономический режим пытался продвинуть маркетизацию и коммодификацию на новую ступень, распространить господство капитала на новые сферы, подчинить ему новые аспекты социальной жизни и придать ей более широкий пространственный масштаб. Успех этих попыток всегда относителен, ввиду того, что порождает столь значительное сопротивление угнетенных классов, народов, социальных групп, что вынуждает привилегированные группы мировой капиталистической системы (МКС) отказаться от реализации либерально-рыночного проекта под угрозой краха системы. В истории МКС это принимает форму “великих трансформаций” капитализма. Уже само рождение капитализма, с самого начала проявившего свою эксплуататорскую сущность в более высоком, чем в докапиталистических обществах, уровне эксплуатации, экспроприации общественной собственности и разрушении общины, концентрации богатства на одном полюсе и нищеты на другом, — все это сопровождалось возникновением своеобразного контрдвижения в виде феодальной реакции, опиравшейся не только на враждебную капиталу часть феодальной знати, но и на широкое движение протеста народных масс. До конца XVIII века, в период меркантилизма и патерналистского абсолютистского государства рынки, если использовать термин Поланьи, были “встроенными”, регулируемы. В XIX столетии в рамках британоцентристского мирового порядка [Silver, Arrighi, 2003] происходит первая выявленная Поланьи “великая трансформация”: со сменой экономического режима была предпринята попытка сконструировать всемирный саморегулирующийся рынок. Этот либерально-рыночный эксперимент привел к возникновению контрдвижения, а вместе с этим и краху мирового порядка XIX века и второй “великой трансформации”, первой в XX веке.

В результате после Второй мировой войны рыночная стихия была на некоторое время частично взята под контроль, рынки вновь стали частично “встроенными”. Частично — поскольку, несмотря на то, что “кейнсианский компромисс” предполагал определенную степень декоммодификации труда (вследствие введения перераспределительных социальных программ в рамках государства всеобщего благосостояния) и денег (вследствие установления контроля над движением финансовых потоков в рамках Бреттон-Вудской валютной системы), мотив прибыли продолжал доминировать в экономических процессах послевоенного капиталистического мира, а создание “общества массового потребления” означало фактически все большую коммодификацию повседневной социальной жизни. Этот экономический режим, характеризовавшийся кейнсианским компромиссом и регулируемый мировой Бреттон-Вудской системой, просуществовал почти тридцать лет, с 1945-го по 1973-й. Кейнсианский компромисс представлял собой завершающую фазу первого цикла двойного движения в капиталистической системе, далее последовала новая смена экономического режима и новые попытки

подчинить общество действию рыночного механизма. Этот режим, известный под названием неолиберализма, частью которого является неолиберальная глобализация, основывался на предписаниях Вашингтонского консенсуса относительно обязанности правительств всех государств мира проводить либерализацию, приватизацию и дерегулирование. Следовательно, современная “глобализация” не представляет собой качественно нового этапа в истории мировой цивилизации, точно так же, как не является она разрывом с капиталистическим прошлым. Она также не выступает результатом одностороннего эволюционного процесса. Скорее ее следует рассматривать как часть нового этапа присущего капитализму процесса двойного движения. Наконец, значительные потрясения мировой финансовой системы 2008 года позволяют предположить, что спустя тридцать лет после последнего крупного сдвига в политико-экономической системе мирового капитализма происходит новая “великая трансформация”, вызванная глубоким разочарованием в неолиберальной англосаксонской модели капиталистического развития.

Если вторая трансформация XX века, связанная с установлением неолиберального режима, представляла собой первый этап нового двойного движения, то нынешняя, третья, трансформация представляет собой фазу контрдвижения — защитную реакцию народных масс против губительных последствий неолиберальной глобализации. Это широкое контрдвижение включает выступления против МВФ и программ структурных адаптаций, движения против мер “строгой экономии”, за облегчение долгового бремени или полную отмену долгов третьего мира, новое антикапиталистическое и “антиглобалистское” движение, движения за национальную и региональную автономию, за социальную справедливость, экологическое движение и т.п. Наименьшим общим знаменателем подобных движений является стремление заново “встроить экономику в социальные отношения”, то есть декоммодифицировать социальные отношения и подчинить капиталистический мотив прибыли сознательному контролю со стороны общества в интересах народных масс и широких демократических слоев общества. При этом следует помнить, что, с точки зрения Поляни, контрдвижение может принимать как прогрессивные, так и реакционные формы.

К современным превратным формам реакции на глобальную экспансию “саморегулирующегося рынка” можно отнести социальные движения тех фракций капиталистических классов, интересам которых реализация проекта неолиберального глобализма наносит ущерб и которые осознают, что нестабильность и анархичность мировой экономики при неолиберальном экономическом режиме вредит ее функционированию и создает дополнительные и неоправданные риски. Другие примеры — антииммигрантские движения в странах первого мира, поддерживаемые частью рабочего класса, неолуддитские движения рабочих, реакционные формы антиглобализма рабочих, пострадавших от перенесения ряда производств в страны третьего мира, различные формы трибалистской, националистической и традиционалистской реакции на неолиберальную глобализацию. “Огромное разнообразие форм, которые принимало “коллективистское” контрдвижение, было обусловлено, — отмечает Поляни, — отнюдь не какими-то симпатиями к социализму и национализму со стороны “согласованных действующих” сил, но единственно лишь тем обстоятельством, что развитие рыночного механизма затрагивало чрезвычайно широкий круг жизненно важных интересов всего общества” [Поляни, 2002: с. 162–163].

В прошлом подобные смены политико-экономических режимов приводили к восстановлению равновесия в капиталистической системе и выводили ее на новый путь динамичного развития. Однако современная “великая трансформация” протекает на фоне возникновения ряда фундаментальных проблем развития мировой капиталистической системы, что является принципиально новым и осложняющим ее историческим обстоятельством. Поэтому вопрос о том, приведет ли новая трансформация капитализма к воссозданию условий для перехода к новому этапу восходящего капиталистического развития или же, учитывая обострение социальных, экологических, экономических и других проблем и рост напряженности во всех механизмах функционирования и развития капиталистической системы, она завершится переходом к исторической системе некапиталистического типа, если вообще не гибелью человеческой цивилизации, — вопрос этот пока остается открытым.

Социализм как способ восстановления единства общества

В связи с этим возникает вопрос: если выход из тупика, в который заводит человеческое общество проект глобального экономического либерализма, заключается в восстановлении единства экономики и общества, встраивания экономики в общество, то каким образом оно возможно, что может осуществить такое встраивание, в чем заключается само встраивание? Как понимал восстановление единства экономики и общества сам Поланьи? Этот вопрос вызывает дискуссии, ибо, как показывают изыскания Г.Дэйла, в самих работах Поланьи можно найти основания как для “мягкой”, так и для “твердой” интерпретации его позиции. Дело в том, что концепция Поланьи в значительной степени эклектична. Он, по словам Дэйла, смешивает не просто различные, но и в определенных отношениях противоположные интеллектуальные традиции [Dale, 2008; 2010]. Под “мягкой” интерпретацией здесь понимается представление Поланьи защитником реформированного капитализма, в котором рынок остается доминирующим механизмом, определяющим экономическую жизнь общества, но дополняется перераспределительными механизмами, смягчающими негативные последствия действия рыночной саморегуляции. Это — позиция социал-демократии после Второй мировой войны, и это же — логика “третьего пути” 1990-х годов. “Мягкой” интерпретации противостоит “твердая”, в которой Поланьи предстает радикальным социалистом, сторонником замены капитализма социалистическим обществом. С такой точки зрения, восстановление единства экономики и общества возможно только при социализме.

Однако представление Поланьи как своего рода теоретика “третьего пути” вызывает сомнения. Как было показано, точка зрения Поланьи заключается в том, что протекционистская защита и государственное регулирование не разрешают противоречий капитализма и не устраняют деструктивных последствий рыночной экспансии. Они представляют собой не разрыв с логикой коммодификации, а ее спасение посредством введения определенных ограничений. И, как мы видели, “встроенный либерализм” кейнсианского компромисса и “государство всеобщего благосостояния”, являясь высшей формой протекционистской защиты, отнюдь не решали проблемы “встраивания”. Они в лучшем случае были таким же ее частичным решением, как и все подобные меры социальной защиты, принимавшиеся в рамках протекционистского контрдвижения, хотя и более масштабным. В це-

лом это проблемно-разрешающий способ адаптации рыночной системы, позволяющий инкорпорировать рабочий класс в отношения наемного труда и таким образом заставить его примириться с коммодификацией рабочей силы, усилением подчинения производственных процессов власти капитала (экспансия фордистских методов производства) и ростом коммодификации природы. Поэтому государство всеобщего благосостояния и кейнсианский компромисс представляют собой не “перевстраивание” экономики в общество, а, как его характеризует Х.Лахер, углубление и расширение товарных отношений, происходящее под знаком режима встроенного либерализма [Lacher, 1999]. Как таковые они, подобно протекционистской защите в рамках рыночной экономики вообще, представляли собой неустойчивую и краткосрочную форму преодоления противоречия капиталистической рыночной экономики. Эта форма носит временный характер, ибо навязывается рыночной системе извне — силой рабочего движения и наличием альтернативной общественной системы, каковой до недавнего времени была мировая система социализма, — и не охватывает капиталистической системы в целом. Поскольку только в центрах мирового капитализма и только для определенных слоев рабочего класса проблемно-разрешающее регулирование означало смягчение последствий коммодификации и улучшение социального положения. В то же время для народов на периферии мировой капиталистической системы это означало усиление бремени коммодификации и эксплуатации. Едва ли Поланьи считал, что регулируемый капитализм в форме социальноориентированной рыночной экономики будет устойчивым и преодолет обособленность экономики и общества. Скорее речь идет о временном перемирии, вызванном определенным соотношением сил.

Исходя из сказанного, будет правомерной более радикальная антисистемная интерпретация идей Поланьи. Ведь, с его точки зрения, подлинное преодоление обособленности экономики от общества и восстановление их единства тождественно полному подчинению экономики демократическому контролю, ведущему к упразднению господства над обществом логики рынка и к декоммодификации труда, земли и денег. В свою очередь, “распространение демократических принципов на экономику предполагает отмену частной собственности на средства производства и, следовательно, прекращение автономии особой экономической сферы: демократическая сфера политики обнимает все общество в целом. По существу, это и есть социализм” [Поланьи, 2010: с. 197]. Именно в этом смысле “социализм есть в своей основе внутренне присущее индустриальной цивилизации стремление к выходу за рамки саморегулирующегося рынка путем целенаправленного подчинения его демократическому обществу” [Поланьи, 2002: с. 254]. В таком обществе производство регулируется непосредственно производителями (трудящимися), а рынки становятся подчиненным элементом “свободного общества”. При этом с точки зрения “социума как целого” социализм — лишь продолжение попытки превращения общества в “систему исключительно человеческих, личностных связей”, и это фактически является утверждением заново Марксовой концепции преодоления отчуждения, царящего в капиталистическом обществе. Такое превращение предполагает, что в экономической области социализм является разрывом с капиталистическим прошлым, поскольку “порывает с попытками сделать денежные доходы индивида единственным стимулом к производственной деятельности и не признает права частных лиц по своей воле распоряжаться

факторами производства” [Поланьи, 2002: с. 254]. В то время как рыночная система является “мнимым царством свободы”, которое “состоит из свободных винтиков, действия которых, однако, подчинены столь же строгим правилам, как законы геометрии” [Поланьи, 2002: с. 275], социализм есть действительное осуществление свободы, поскольку “социологическое содержание социализма заключается, приблизительно говоря, в более полном осуществлении зависимости целого от воли и целей индивида и в соответствующем возрастании ответственности индивида за общее дело, в которое он вовлечен”.

Институционально это воплощается на практике серией мер, среди которых — поощрение инициативы всех производителей, всестороннее обсуждение планов, всеобъемлющий контроль над производственным процессом и участием в нем индивидов, функциональное и территориальное представительство, обучение политическому и экономическому самоуправлению, внедрение демократии на уровне небольших коллективов, воспитание лидеров — все это, с точки зрения Поланьи, черты организации такого типа, которая превращает общество во все более динамичную среду сознательного и непосредственного взаимодействия личностей [Поланьи, 2010: с. 198]. Таким образом, поскольку только социализм наиболее полно преодолевает господство мотивов прибыли и экономической целесообразности, выводит факторы производства из сферы действия рынка, устраняет господство экономической рациональности над жизнью индивидов, подчиняет производственную деятельность сознательному демократическому контролю непосредственных производителей, только он и может “восстановить единство экономики и общества” за счет устранения “обособленной экономической сферы”. Подлинное, не суррогатное, как при фашизме или “встроенном либерализме”, встраивание экономики в общество возможно только в условиях социализма. В то же время экономический (нео)либерализм, фрагментируя и атомизируя общество, является противником демократии и ведет к авторитаризму.

То значение, которое Поланьи придавал социализму как способу разрешения противоречий глобальной капиталистической экспансии, заставляет задуматься над проблемой социально-политических альтернатив неолиберальной глобализации как последней по времени волны этой экспансии. Исходя из этой точки зрения, все проблемно-разрешающие меры протекционистского регулирования, начиная от социального законодательства XIX века и заканчивая кейнсианским компромиссом и государством всеобщего благосостояния и социал-демократической политикой XX века, ввиду их частичности, неустойчивости и временности, нельзя рассматривать как действительную альтернативу неолиберализму. Дialeктика двойного движения рыночной экспансии и социальной защиты, в рамках которой последняя призвана ограничить, но не устранить расширение и усугубление первой, может быть окончательно снята только в пострыночном, посткапиталистическом обществе — социалистическом.

Заключение

Исходя из всего сказанного, можно сделать некоторые выводы относительно того, как может быть интерпретирован концепт глобализации в свете идей К.Поланьи.

Хотя имеется множество исследователей, скептически относящихся и даже отрицающих реальность глобализации, в общественных науках (как и в общественно-политическом дискурсе, где господствуют образы и нарративы, распространяемые СМИ, находящимися под контролем капиталистических элит) сложился консенсус, что нынешняя эпоха — это эпоха глобализации. Концепт глобализации преподносится как идеологически нейтральное понятие, выражающее действие стихийного естественного, неостановимого и необратимого процесса, выступающего следствием научно-технического прогресса. Однако, как уже отмечалось, содержание “века глобализации” в значительной степени определяется реализацией глобального нелиберального проекта, а сам концепт глобализации включает в себя основные положения и идеи учения нелиберализма, в том числе центральный для нелиберального учения концепт рынка. В этом случае эффект идеологической нейтральности глобализации достигается натурализацией понятия рынка, то есть принятием постулата, что рынок как неотъемлемый элемент капитализма и сам капитализм являются естественным порядком, существование которого принимается как данное. Такое понимание глобализации является продуктом идеологического нелиберального подхода, возрождающего идеи экономического либерализма XIX века. Эта идеологическая функция концепта глобализации, заключающаяся в сокрытии и искажении сущности реального процесса, должна быть раскрыта, чтобы прийти к пониманию его истинного смысла. Поскольку нелиберализм является развитием экономического либерализма XIX века, подход Полаanyi может быть распространен на нелиберализм. Нелиберализм определяет содержание идеи и практики глобализации, поэтому полаanyiевская критика является также критикой глобализации как идеи и процесса, основанного на системе фикций — на вере в то, что человечество можно загнать в железную клетку рынка, подчиняющего жизнь каждого индивида микроэкономической рациональности.

Осмысление концепта глобализации с использованием идей К.Полаanyi позволяет определить его истинный смысл и содержание. В полемике с формальной экономической теорией К.Полаanyi отстаивал идею неестественности и сконструированности рыночной экономики и рыночного общества. С этой точки зрения, глобализацию можно определить не как рост абстрактной взаимозависимости стран и народов в мировом масштабе, являющийся результатом действия стихийных естественных сил, а как нарастающие волны экспансии капиталистической системы, сопровождающиеся трендами коммодификации и пролетаризации. Эта экспансия — следствие структурно детерминированной социально-классовой стратегии, осуществляемой посредством классового действия и идеологически направляемой принципами учения экономического либерализма. Например, такие повсеместно предпринимаемые в рамках глобальной нелиберальной экспансии меры, как приватизация, дерегулирование и либерализация экономики, — не продукт действия законов природы, а результат реализации социально-классовых интересов, воплощающихся в конкретные политические решения, принимаемые индивидами, занимающими определенные классовые позиции. И поскольку глобализация, как это показано Полаanyi, является продуктом надындивидуальных социальных действий и взаимодействий социальных субъектов и сама представляет собой действие, формирующее социальную реальность, глоба-

лизацию может исследовать социология, для чего, однако, социология должна обладать способностью синтезировать знания других наук.

С другой стороны, идеи К.Поланьи помогают ответить на вопрос об альтернативах неолиберальной глобализации, что особенно актуально в условиях современного глобального финансово-экономического кризиса. Несмотря на то, что кризис является прямым свидетельством провальности неолиберального проекта, нет никаких признаков, что транснациональные капиталистические элиты собираются отказаться от неолиберализма и рыночной экспансии. Для большинства жителей планеты это означает продолжение “ужаса без конца” вследствие прогрессирующего ухудшения социальных условий существования и деградации экологической системы планеты. Следует воспринять всерьез предупреждение Поланьи о том, что сами неолиберальные капиталистические элиты ради сохранения существующей модели накопления капитала могут прибегнуть не просто к авторитарным, но и к фашистским способам ее защиты от демократических требований масс. Общество, таким образом, вновь может стать жертвой “фашистской паники”. Сдвиг вправо уже отмечается в Северной Америке и Европе. Наконец, следует учитывать, что все формы социал-демократического регулирования оставляют в целом доминирование механизма рынка нетронутым и не являются способом преодоления негативных последствий рыночной экспансии. Подлинной альтернативой неолиберализму может быть только социализм. В этом смысле иной мир возможен.

Источники

Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Д. Перратон ; пер. с англ. — М. : Праксис, 2004. — 576 с.

Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Поланьи К. ; пер. с англ. — СПб. : Алетейя, 2002. — 320 с.

Поланьи К. Избранные работы / Поланьи К. ; пер. с англ. — М. : Издат. дом “Территория будущего”, 2010. — 200 с.

Burawoy M. Public sociology vs. the market / M. Burawoy // *Socio-Economic Review*. — 2007. — Vol. 5, № 4. — P. 356–367.

Dale G. Karl Polanyi’s The Great Transformation: perverse effects, protectionism and Gemeinschaft / G. Dale // *Economy and Society*. — 2008. — Vol. 37, № 4. — P. 495–524.

Dale G. Social Democracy, Embeddedness, and Decommodification: On the Conceptual Innovations and Intellectual Affiliations of Karl Polanyi / G. Dale // *New Political Economy*. — 2010. — Vol. 15, № 3. — P. 369–395.

Harvey D. A Brief History of Neoliberalism / Harvey D. — Oxford : Oxford University Press, 2005. — 247 p.

Lacher H. Embedded Liberalism, Disembeddes Markets: Reconceptualising the Pax Americana / H. Lacher // *New Political Economy*. — 1999. — Vol. 4, № 3. — P. 343–361.

Ruggie J.H. International Regimes, Transactions and Change: Embedded Liberalism in the Postwar Economic Order / J.H. Ruggie // *International Organization*. — 1982. — Vol. 36, № 2. — P. 379–415.

Silver B. Polanyi’s “Double Movement”: The Belle Epochs of British and U.S. Hegemony Compared / B. Silver, G. Arrighi // *Politics and Society*. — 2003. — Vol. 31, № 2. — P. 325–355.